

Проблема моральной обязательности у Юма

Обсуждение доклада

О.В. Артемьева

О «законе Юма»

Мне кажется примечательным, что Л.В. Максимов характеризует знаменитый фрагмент Юма как «ответвление от основного хода» юмовской мысли. Этот фрагмент действительно выглядит таковым, если интерпретировать его в метаэтическом контексте. Именно метаэтики увидели в нем «логическое эссе», в котором формулируется запрет на логическое выведение суждений о должном из суждений о сущем. Между тем, никакого похожего содержания в других произведениях Юма, в том числе и в «Исследовании о принципах морали», нет. Так что метаэтическая интерпретация фрагмента не аутентична юмовскому рассуждению. Это касается как конкретной главы, которую фрагмент завершает, так юмовской философии в целом.

Заслуживают внимания интерпретации «закона Юма» теми исследователями, которые стремятся понять в первую очередь самого Юма, а не ищут у него прозрений грядущих метаэтических дилемм. Они справедливо указывают на то, что фрагмент следует интерпретировать не как «отступление» Юма от своего основного хода мысли, но как его естественное продолжение. Для этого, как заметил А.Макинтайр, надо лишь с доверием отнестись к самому Юму и помнить, что Юм необязательно имел в виду больше того, что сказал, или нечто иное.

Для понимания фрагмента важно принять во внимание, что им завершается глава, в которой Юм критикует интеллектуалистов, что очевидно и из ее названия: «Моральные различия не проистекают из разума». По тексту можно видеть, что сам Юм рассматривает фрагмент в качестве дополнения к основной антиинтеллектуалистской аргументации.

Известно, что и «Трактат...», и «Исследование...» начинаются с формулирования дилеммы разума и чувства как возможных источников моральных различий. В «Трактате» Юм четко говорит, что решение данной дилеммы важно, поскольку оно

позволит с самого начала отсесть неадекватные, т.е. интеллектуалистские, теории и направить исследование морали по «правильному руслу». Что же не устраивало Юма в интеллектуалистской позиции?

Едва ли претензия Юма к интеллектуалистам могла состоять в том, что в своих рассуждениях те совершали логически незаконный переход от суждений о сущем к суждениям о должном. Если интеллектуалисты и «выводили» должное из сущего, то лишь в том же смысле, в каком это делал сам Юм. Они объясняли должное (мораль), опираясь на природу вещей, а Юм – опираясь на человеческую природу (аффективную ее часть) и обстоятельства социальной жизни¹.

Обобщая его аргументацию, можно заключить, что интеллектуализм как утверждение о связи морали и разума теоретически несостоятелен, поскольку оказывается способом обоснования положений о том, что (1) мораль укоренена во внешнем по отношению к человеку объективном мире, (2) вечные и неизменные отношения в природе вещей заключают в себе источник моральной императивности и мотивации, и задают критерии должного и недолжного, которые (3) имеют силу для всех разумных существ, включая божество, то есть не специфичны для человека.

Юм интерпретирует интеллектуализм таким образом, что как будто бы тот полагает мораль во внешнем человеку объективном мире и тем самым задает внешний источник моральной обязательности и моральной мотивации. Ни к каким иным заключениям, по Юму, интеллектуализм прийти не может в силу особенностей разума, который интеллектуалисты рассматривали в качестве основания морали.

Еще один существенный для Юма момент состоял в том, что интеллектуалисты полагали мораль не просто в объективном мире, они настаивали на ее трансцендентном характере и связывали ее с божеством. Юм, разумеется, не мог принять такой трактовки не только потому, что был атеистом, но и по принципиальным теоретическим основаниям: он считал, что мораль является уникальным человеческим достоянием, сам человек является источником морали, это выделяет его из природного мира и отличает от других мыслящих существ. И здесь Юм совершенно очевидно является наследником аристотелевской традиции в этике. «Отсечение» неадекватных

¹ В одном из писем Юм писал: «Я обнаружил, что моральная философия, унаследованная нами от античности, страдает от того же недостатка, который был обнаружен в естественной философии, и состоит в том, что философия является полностью гипотетической и зависит в большей степени от изобретательности, нежели от опыта. Каждый при построении схем добродетели и счастья опирается на свое воображение, не рассматривая человеческую природу, от которой должно зависеть каждое моральное заключение» (См.: *Hume D. To George Cheyne [March or April 1734] // The Letters of David Hume. Oxford: Clarendon Press, 1932. Vol. 1. P. 16).*

интеллектуалистских теорий, по его убеждению, направляет исследование морали по правильному руслу – т.е. обращает его от природы вещей, от трансцендентного мира к человеческой природе и специфическим условиям человеческой жизни.

Иногда обсуждаемый фрагмент Юма интерпретируют в духе Канта, усматривая в юмовском замечании идею автономии морали. Для такой интерпретации Юм не дает нам никаких оснований. Для него было важно показать соразмерность морали человеку как таковому, его «природным» потребностям. Р.Г.Апресян в докладе как раз и показывает, каким именно образом в концепции Юма мораль задается природой человека и общественными условиями как специфически человеческой реальностью. Также и моральный субъект Юма не бесплотное, внеприродное и внесоциальное существо, а существо чувственное, реализующее свою природу в коммуникации и общественной жизни. Попытка Юма представить мораль вне каких бы то ни было трансцендентных источников, как особое проявление человеческой природы, которое к тому же содержательно обусловлено сопричастностью всех людей друг другу, была оценена в современной моральной философии и получила продолжение в некоторых современных версиях этики добродетели и феминистской этики заботы, претендующих, в частности, на преодоление кантианского подхода в этике.

В целом, интеллектуалисты, по убеждению Юма, неправы вовсе не потому, что совершают логическую ошибку и выводят должное из сущего – природы вещей, а потому что они не понимают смысла морали.

Знаменитый фрагмент Юма естественным образом вписан в общую линию рассуждения в данной главе. И это рассуждение по своему характеру не метаэтическое, а этико-философское, оно задается определенным пониманием морали, при котором мораль «выносится за рамки объективного мира и полагается внутри духовного опыта человека», как выразился Р.Г.Апресян. Исходя из такого понимания, Юм считал все попытки основывать моральные заключения на фактах внешнего по отношению к человеку мира, неправомерными. Но это не означает, что моральные заключения вообще не могут быть основаны на фактах. По Юму, они как раз основаны на фактах, но исключительно тех, которые устанавливаются чувством. Юм вполне определенно говорит об этом, обсуждая порок: чувство порицания, возникающее в нас по отношению к конкретному поступку является фактом, но этот факт – предмет чувства, а не разума и заключается в нас самих, а не в объекте².

² См.: *Юм Д.* Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И. Церетели // *Юм Д.* Соч в 2 т. Т. I / Вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 510.

Возможны и другие корректные в контексте юмовской моральной философии интерпретации. Например, Б.Страуд считает, что, с точки зрения Юма, переход в рассуждениях от сущего к должному, естественен и непредвзят. Мы совершаем его, когда наблюдаем за поведением людей, открываем характеристики действий, их последствия, и затем формулируем моральные заключения. Во фрагменте Юм обращает внимание на необходимость осознания природы этого перехода: поскольку моральные заключения имеют мотивационную силу, то их источником может быть исключительно чувство, а не разум. Как подчеркивает Страуд, «все обычные системы морали», которые намеревался опровергнуть Юм, – это именно интеллектуалистские системы, авторы которых, по Юму, безотчетно верили в разум и были поэтому не способны понять природу отношения между моральным суждением и волей³.

Можно согласиться с Л.В. Максимовым в том, что Юм в данном фрагменте не слишком определен (многие исследователи указывают на его «удивительную непоследовательность» как философа), и это породило множество интерпретаций. Однако Юм не настолько неопределен, чтобы нельзя было установить границы, в которых эти интерпретации можно рассматривать как обоснованные. Они задаются контекстом и характером юмовской философии. Юма как морального философа отличает от метаэтиков XX в. то, что его интерес был сосредоточен на самой морали – ее смысле и содержании, а не на логике рассуждений о ней.

³ См.: *Stroud B. Hume*. London, New York: Routledge, 2003. P. 187–188.